

*Научная статья**Научная специальность**5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки»*

УДК 94(47).083

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2026.2.17>

ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУДДИСТОВ И КАТОЛИКОВ ИЗ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ НА ВОСТОЧНЫХ ОКРАИНАХ РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© **Синиченко В. В.¹, Зудаева В. В.², 2026**¹ Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия² Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Анализируются правовые и административные ограничения, наложенные российскими властями в XIX – начале XX в. на миссионерскую деятельность двух религиозных групп, проникавших с территории Цинского Китая на восточные окраины России: буддийских лам (ламаистов) и католических миссионеров. Исследуются архивные материалы, законодательные акты и предписания местной администрации. Доказывается, что имперская политика в отношении обеих конфессий, несмотря на различия в их статусе (буддизм был официально признан «иностранческой» религией, а католицизм – полностью иностранным), носила репрессивно-ограничительный характер. Отмечается, что ее ключевыми целями были предотвращение географического и демографического распространения этих вероучений за пределы исторических этнических ареалов, установление жесткого административного контроля над их структурами, изоляция от внешних центров влияния (Тибет, Монголия) и защита монополии православной миссии. Подчеркивается, что ограничительные меры (законы 1822, 1853 гг., секретные предписания, циркуляры) в отношении буддистов включали квотирование духовенства и храмов, запрет на прозелитизм и контроль над образованием, а католические миссионеры рассматривались преимущественно как политические шпионы, и их деятельность жестко пресекалась высылкой и усилением пограничного контроля вплоть до Указа об укреплении начал веротерпимости 1905 г., который несколько смягчил режим, но не отменил его полностью.

Ключевые слова: Российская империя, религиозная политика, миссионерство, буддизм, ламаизм, католицизм, Цинская империя, Восточная Сибирь, правовые ограничения, веротерпимость.

LEGAL RESTRICTIONS ON THE MISSIONARY ACTIVITIES OF BUDDHISTS AND CATHOLICS FROM THE QING EMPIRE IN THE EASTERN OUTSKIRTS OF RUSSIA IN THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

© **Sinichenko V. V.¹, Zudaeva V. V.², 2026**¹ Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation² East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

The article analyzes the legal and administrative restrictions imposed by the Russian authorities in the 19th and early 20th centuries on the missionary activities of two religious groups penetrating from the territory of Qing China into the eastern outskirts of Russia: Buddhist lamas (Lamaists) and Catholic missionaries. The research is based on archival materials, legislative acts, and decrees of the local administration. The author argues that the imperial policy towards both confessions, despite differences in their status (Buddhism was officially recognized as an “indigenous” religion, while Catholicism was considered entirely foreign), was repressive and restrictive. Its key goals were to prevent the geographical and demographic spread of these doctrines beyond historical ethnic areas, to establish strict administrative control over their structures, to isolate them from external centers of influence (Tibet, Mongolia, Rome), and to protect the monopoly of the Orthodox mission. Restrictive measures (laws of 1822, 1853, secret decrees, circulars) against Buddhists included quotas for clergy and temples, a ban on proselytism, and control over education. Catholic missionaries were viewed primarily as political spies, and their activities were severely suppressed by deportation and enhanced border control. Only the Edict of Religious Tolerance of 1905 somewhat relaxed the regime but did not abolish it completely.

Keywords: Russian Empire, religious policy, missionary activity, Buddhism, Lamaism, Catholicism, Qing Empire, Eastern Siberia, legal restrictions, religious tolerance.

Введение

Восточные окраины Российской империи в XIX – начале XX в. представляли собой уникальное пространство межконфессионального и межкультурного взаимодействия, где имперская власть сталкивалась с задачей интеграции новых территорий и разнородного населения. Одним из ключевых инструментов этой интеграции была последовательная религиозная политика, направленная на укрепление государственно-православной идентичности и нейтрализацию потенциальных угроз. В данном контексте особый интерес представляет анализ правового регулирования деятельности неправославных миссионеров, проникавших из сопредельной Цинской империи.

Данная статья ставит целью исследование системы правовых и административных ограничений, применявшихся российскими властями в отношении миссионерской деятельности буддистов (ламаистов) и католиков на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью глубокого понимания исторических моделей управления религиозным многообразием в полиэтнических приграничных регионах, что имеет значение для современных исследований имперской политики и истории религий в России.

Научная новизна работы заключается в сравнительном анализе политики в отношении двух различных конфессий – одной, имевшей внутренний, «инородческий» статус (буддизм), и другой, воспринимавшейся как исключительно внешняя и враждебная (католицизм).

Материалы и методы исследования

В основу настоящего исследования лег комплекс исторических источников и специальных методов, позволяющих реконструировать систему правовых ограничений миссионерской деятельности и выявить механизмы ее реализации на восточных окраинах Российской империи. Источниковая база исследования представлена следующими группами документов:

1. *Законодательные и нормативные правовые акты Российской империи, составившие правовой фундамент религиозной политики.* К ним относятся: Устав об управлении инородцев 1822 г., Устав о ламайском духовенстве 1853 г., Секретное высочайшее повеление 1841 г., циркуляры и предписания центральных ведомств (Министерства внутренних дел, Святейшего Синода, III отделения Собственной Его Импе-

раторского Величества (С. Е. И. В.) канцелярии (далее также – III отделение)) 1850–1890-х гг., а также Указ об укреплении начал веротерпимости от 17 апреля 1905 г. Эти документы позволяют проследить эволюцию государственного подхода к регулированию деятельности буддистов и католиков.

2. *Документы центральной и местной администрации, отражающие практику применения законов на местах.* Исследование опирается на материалы из фондов Государственного архива Иркутской области (ГАИО) и Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). Были проанализированы донесения военных губернаторов (Приморской, Забайкальской областей) генерал-губернатору Восточной Сибири, рапорты пограничных комиссаров, дипломатическая переписка, предписания и циркуляры региональным властям. Эти документы дают представление о реальных механизмах контроля, противодействия проникновению миссионеров, а также о лакунах между законодательными нормами и их исполнением в условиях обширных сибирских пространств.

3. *Публицистические материалы рассматриваемого периода, а также научные публикации начала XX в.,* которые использовались для контекстуализации событий и анализа восприятия религиозной политики современниками.

В исследовании применялся комплекс следующих общенаучных и специальных исторических методов.

Историко-генетический метод позволил проследить происхождение и развитие правовых норм, регулировавших статус буддизма и католицизма, выявить причинно-следственные связи между изменением законодательства и геополитической обстановкой (присоединение новых территорий, обострение «восточного вопроса», Польское восстание 1863 г.).

Сравнительно-исторический метод был использован для сопоставления правового режима и административных практик в отношении двух исследуемых конфессий – буддизма (как «внутренней», терпимой, но строго ограничиваемой религии «инородцев») и католицизма (как «внешней», воспринимавшейся в качестве враждебной и подрывной силы). Это позволило выявить общие принципы имперской политики сдерживания и их конфессиональную специфику.

Историко-правовой анализ применялся для детального изучения содержания нормативных актов, определения заложенных в них механизмов контроля (квотирование, запрет прозели-

тизма, регламентация связей с границей) и их соответствия декларируемым целям государственной политики.

Такой междисциплинарный подход, сочетающий анализ правовых норм с изучением административной практики через призму архивных материалов, обеспечивает комплексное рассмотрение заявленной проблемы и позволяет достичь поставленных в исследовании задач.

Обзор литературы

Проблема религиозной политики Российской империи на ее восточных окраинах, и в частности регулирования миссионерской деятельности, получила освещение в отечественной историографии. Однако исследования часто носят конфессионально или регионально специфический характер.

Историография по буддизму в Российской империи обширна и касается как правового статуса, так и социальной роли буддийской церкви. Фундаментальные работы В. В. Вашкевича [1], Н. В. Цыремпилова [3; 4] подробно исследуют феномен «панмонголизма» как фактора, усилившего подозрительность властей в 1890-е гг. и приведшего к дополнительным запретительным циркулярам. Вместе с тем в литературе отмечается слабость исполнительной власти на обширных территориях, что на практике смягчало действие законов до конца XIX в.

Изучение католического миссионерства на российском Дальнем Востоке представлено значительно меньше и часто фрагментарно, в контексте общей истории католичества в России или дипломатических отношений. Классические труды С. А. Горохова, Р. В. Дмитриева [2] содержат общие сведения о законодательстве в отношении иностранных исповеданий. Более конкретный анализ попыток проникновения католических миссий из Китая, основанный на архивных находках, представлен в статье Н. В. Чиркова [5] и некоторых региональных историков (В. В. Синиченко [6]). Исследователи подчеркивают, что российские власти с крайним подозрением относились к любым контактам местного населения с иностранными миссионерами, видя в них, в первую очередь, политическую и шпионскую угрозу, особенно после Польского восстания 1863 г. Власть рассматривала католицизм как инструмент иностранного (прежде всего французского) влияния, а потому применяла к его носителям меры внерелигиозного характера: высылку, усиление пограничного контроля, запрет на въезд.

Результаты исследования

Восточная Сибирь в XIX в. имела свою специфику в правовом пространстве религиозной политики российского самодержавия. Если во всей империи право на миссионерскую деятельность было закреплено только за православной церковью Священного Синода, то в Сибири коренные народы («инородцы») управлялись Уставом об управлении инородцев, введенным генерал-губернатором М. М. Сперанским в 1822 г. Этот нормативный акт создал особый правовой статус буддистов на территории региона.

Право бурятов и калмыков на исповедание религии гарантировалось, но строго в рамках ограничений. Любое проявление религиозной активности за пределами дозволенного (паломничество больших групп, самовольное строительство храмов) могло быть пресечено.

В Российской империи буддизм был представлен в основном в форме тибетского буддизма школы Гелуг – «ламаизма». Его исповедовали буряты в Забайкальской области (Иркутская губерния) и калмыки в Астраханской и Ставропольской губерниях. За пределами этих регионов буддистские обряды и проповедь были запрещены.

В 1853 г. положение буддизма в России было детализировано новым законодательным актом – Уставом о ламайском духовенстве 1853 г.

Этот документ, с дополнениями, стал основой правового регулирования миссионерской деятельности ламаистов до издания Указа об укреплении начал веротерпимости. Во главе буддистов Восточной Сибири (бурят) стоял Бандидо-Хамбо-лама, избираемый ламством, но утверждаемый генерал-губернатором и подотчетный губернатору Забайкальской области.

Вводилось квотирование и ограничение числа духовенства и храмов. Четко фиксировалось разрешенное число дацанов (монастырей) и дуганов (храмов). Строительство новых было практически невозможно.

Вводилось фиксированное число штатных лам, имевших право совершать службы и получать содержание от прихода. Все остальное духовенство считалось «нештатным» и не имело официальных прав.

Осуществлялся контроль над образованием и кадрами. Запрещалось приглашать духовных учителей из-за границы (из Тибета, Монголии, Китая) без разрешения властей. Поездки лам для обучения в заграничные монастырские центры (например, в Лхасу) строго ограничивались и контролировались.

Вводился запрет на прозелитизм (миссионерство). Любая проповедь буддизма среди православных или «языческих» народов, не исповадовавших его исторически, была категорически запрещена. Буддизм рассматривался как сугубо этническая религия.

Однако на практике во второй половине XIX в. обширные пространства Восточно-Сибирского генерал-губернаторства не позволяли реализовать закон 1853 г. Администрация края фиксировала, но по сути слабо противодействовала приходу в Прибайкалье буддистских проповедников из Цинской империи (Тибета и Монголии)¹.

Только с 1887 г. чиновники нового Иркутского генерал-губернаторства стали осуществлять политику сдерживания и противостояния «дацанской учености». В 1890-е гг. власти, особенно при обер-прокуроре Синода К. Победоносцеве, стали рассматривать буддийские монастыри как центры потенциальной национальной консолидации и «панмонголизма», опасного для империи.

Были приняты дополнительные запретительные меры (циркуляры 1887, 1890, 1895 гг.), направленные на ограничение издательской деятельности и ужесточение контроля за связями бурятских лам с Тибетом и Монголией.

Государственная политика в 1890-х гг. открыто поддерживала православную миссию среди буддийских народов. Крещение давало бурятам и калмыкам льготы (освобождение от налогов, рекрутской повинности).

Обратный переход из православия в буддизм («отпадение») считался уголовным преступлением и преследовался вплоть до ссылки. Буддийским ламам запрещалось принимать «отпавших».

Правовой режим для буддистов в России до Указа об укреплении начал веротерпимости был репрессивно-ограничительным. Его цели:

1. Заморозить распространение буддизма вширь (географически) и вглубь (численно).
2. Поставить буддийскую церковь под полный административный контроль, превратив ее верхушку в часть государственного аппарата.
3. Изолировать российских буддистов от внешних центров (Тибет, Монголия).
4. Создать условия для постепенного вытеснения буддизма православием через поддержку миссии и льготы крещеным.

¹ Донесение военного губернатора Приморской области генерал-губернатору Восточной Сибири. Николаевск. 4 ноября 1865 г. // Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 11/1. Д. 138. Л. 19–31.

Сибирские власти препятствовали проникновению в Сибирь и буддийских лам, прибывавших сюда для занятий платным богослужением и лечением инородцев. Согласно указу от 1890 г. провинциальные власти отбирали на границе у буддийских проповедников предметы культа и имущество, приобретенное «пропагандой». Кроме того, под тем предлогом, что свободное передвижение по границе разрешено только для торгующих, был воспрещен вторичный въезд в пределы страны тех лам из Цинской империи, которые были замечены в осуществлении богослужений. Для исполнения постановления право визирования пограничных билетов по русско-китайской границе передавалась российскому консулу в Урге, который хорошо знал монгольское духовенство².

Однако принятые меры привели не к тем последствиям, на которые надеялись издатели указов, ограничивающих буддистское миссионерство.

Буряты и другие буддисты региона, пользуясь слабостью пограничных служб, стали тайно перебираться в Монголию для того, чтобы на территории Цинской империи справлять религиозный культ³.

Для противодействия усилению влияния зарубежных центров ламаизма в Ургу был командирован Цокто Гармаев (Баумажапов), хорошо знавший китайских торговцев и монгол. Он должен был уговорить местных лам сменить китайское подданство на российское и переселиться в Забайкалье⁴.

Только после революции 1905 г. в религиозном законодательстве России произошли перемены. Была дозволена миссионерская деятельность иностранных конфессий, за исключением «вредных» сект, наносящих ущерб здоровью его последователей.

Указ 1905 г. несколько смягчил режим (например, разрешил свободнее исповедовать веру), но ключевые ограничения, особенно по строительству новых храмов и прозелитизму, во многом сохранились вплоть до 1917 г.

Кроме ламаизма в XIX в. с территории Цинской империи в Восточную Сибирь проникали иностранные христианские миссии (католики, протестанты).

² Рапорт кяхтинского пограничного комиссара генерал-губернатору Восточной Сибири. Троицкосавск. 1 марта 1877 г. // ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/3. Д. 171. Л. 3–6.

³ Записка по дипломатической канцелярии. 2 октября 1877 г. // ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/3. Д. 171. Л. 59–63.

⁴ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 12. Л. 58.

Проникновение католических миссий из Китая в Сибирь осуществлялось еще в XVIII в., но оно было минимальным и эпизодическим. Это явление не было массовым, но вызывало серьезную озабоченность российских властей, видевших в нем угрозу из-за наличия католических миссий в Китае. С XVI в. в Китае активно действовали католические ордена. Их миссионерские маршруты пролегали по всей империи Цин, включая Маньчжурию и внутренние районы.

Католики стремились воздействовать на трансграничные народы. По обе стороны российско-китайской границы (установленной Нерчинским (1689) и Кяхтинским (1727) договорами) жили одни и те же кочевые и полукочевые народы: буряты, эвенки (тунгусы), отчасти монголы. Католические миссионеры в Маньчжурии и Внутренней Монголии контактировали с ними.

После «опиумных войн» и ослабления Китая в 40–60-х гг. XIX в. католические миссии получили больше свободы. Вполне логично, что они могли обращать взгляд на север, к кочевникам, чьи сородичи жили уже в России.

Стремясь ограничить контакты жителей Восточной Сибири с иностранцами в религиозной сфере, российские власти использовали Секретное высочайшее повеление Николая I 1841 г., запретившее католикам из Цинской империи посещать Восточную Сибирь.

Секретное оно было потому, что российские власти были заинтересованы в Кяхтинской торговле с Китаем и не хотели помимо прочего отягощать русско-китайские отношения.

Согласно предписаниям МВД от 29 июня 1850 г. генерал-губернатор Восточной Сибири и подчиненные ему губернаторы должны были при появлении католических миссионеров связываться с III отделением С. Е. И. В. канцелярии. В католиках, особенно иезуитах, подозревали шпионов.

Однако присоединение к Российской империи Приамурья и Приморья 1854–1861 гг. поставило перед центральными и местными властями вопрос о хозяйственном освоении края. Поскольку достигнуть этого без населения, оставшегося на этих территориях, было невозможно, встал вопрос о контактах китайцев и католических центров в Цинской империи.

Шеф жандармов кн. Долгоруков писал военному губернатору Забайкальского края в 1857 г. «В какой степени Вы, – спрашивал он у генерал-губернатора, – находите необходимым раз-

решить иностранцам прибывать в вверенный Вам край с восточной стороны и какие предусматриваются Вами средства к наблюдению за их действиями в политическом отношении?»¹.

23 мая 1860 г. III отделение передало в Иркутск инструкцию о методах «борьбы с лазутчиками» из католических миссий, расположенных в Цинской империи.

Наиболее яркий пример связан с деятельностью лазаристов из Пекинской католической миссии. Есть свидетельства, что отдельные миссионеры (например, Флориан Гарпа) пытались проповедовать среди эвенков (тунгусов) в районе р. Аргунь (по ней проходит граница).

Миссионеры под видом торговцев, исследователей или путешественников пересекали границу (часто неофициально) и пытались вести проповедь. Их целью было обращение «язычников» (шаманистов), которых они считали более восприимчивыми, чем православных или буддистов.

В начале 60-х гг. XIX в. французский посланник в Пекине Бурбулон попросил дозволить ему с женой и супругой министра-резидента России в Китае – Баллюэка проехать через Иркутск. Поскольку на пути следования Бурбулона проживали поляки-католики, у российских властей возникло опасение, что посланник найдет в них шпионов. Поэтому было решено следить за посланником и не допускать его общения с католиками в целях предотвращения «политической пропаганды»².

Это решение станет понятным в контексте событий августа 1861 г. Тогда к селению Михайлово-Семеновскому Приморской области вышли два миссионера Римско-католической церкви. Один из них – французский подданный Франклэ – обратился с просьбой допустить его в пределы России для проповеди местным католикам и изучения судьбы французского миссионера де ла Брюньера, ранее отправившегося на русский Дальний Восток с целью окормлять принявших католичество китайских поселенцев на Амуре.

Военный губернатор Приморской области доносил 4 января 1862 г. исправляющему должность генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Карсакову, что никаких сведений о погибшем миссионере де ла Брюньере собрать невозможно. Франклэ использовал этот повод для обращения инородцев и китайцев в католическую веру. В этом французскому миссионеру

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/2. Д. 9. Л. 12.

² ГАИОФ. Ф. 24. Оп. 11/2. Д. 9. Л. 43–44.

помогало хорошее знание китайского и маньчжурского языков. Военный губернатор отмечал, что католики ведут активную пропаганду среди китайско-корейско-монгольского населения Приамурья и Приморья, вошедших в состав Российской империи в 1858–1860 гг.¹

На это послание М. С. Карсаков ответил предписанием от 24 февраля 1862 г., в котором указывал контр-адмиралу и военному губернатору Петру Васильевичу Казакевичу, что «по существующим законам (1857 г. т. XI ст. 4, 6; т. XIV ст. 104, 110) право убеждать язычников русских подданных предоставлено исключительно православной церкви». Иностранные духовные лица могли быть допущены в Россию с разрешения либо императора, либо министра внутренних дел. Незаконно прибывавших из-за границы проповедников военный губернатор мог высылать на их родину².

В 1865 г. маньчжурский католический епископ попросил генерал-губернатора Восточной Сибири не мешать сношениям католиков, проживающих на русском Дальнем Востоке, с расположенной в Китае миссией.

Генерал-майор М. С. Карсаков отклонил эти требования и одновременно предписал новому военному губернатору Приморской области: «...не допускать ни под каким предлогом миссионеров в пределы вверенной Вам области, тем более что при знании ими туземных языков и при нахождении во вверенных Вашему командованию войсках бывших политических преступников (поляков, восставших в 1863 г. и сосланных в Сибирь) они могут преследовать и другие цели»³.

Но католическая церковь не теряла надежды закрепиться в Приморье и Приамурье. 11 декабря 1868 г. французский поверенный в делах в Пекине Роменнуар препроводил через русского посланника в дипломатическую канцелярию письмо миссионера Веролля – Апостолического викария в Маньчжурии. Викарий просил позволить римско-католическим миссионерам означенного викариата свободно путешествовать по землям правого берега Уссури, левого берега Амура (Приморская и Амурская области), уступленным России по трактатам 1858–1860 гг. Просьбу свою миссионер основывал на том, что земли эти входят в состав его викариата уже более ста лет.

¹ ГАИОФ. Ф. 24. Оп. 11/2. Д. 9. Л. 34–38.

² ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/2. Д. 9. Л. 39–41.

³ Донесение военного губернатора Приморской области ...

Учитывая, что ранее российские власти дважды пресекли попытки французских миссионеров прибыть в Восточную Сибирь, викарий просил предоставить русские паспорта французским священникам, которые как русские подданные могли бы осуществлять функцию священника в России.

Предложение французского миссионера отклонили. Ему было сообщено, что иностранная пропаганда в России запрещена. Для католиков и лютеран в Восточной Сибири священнослужители назначались императорским правительством. Что касается французских католических миссионеров, то, по мнению региональных властей, «допущение такого рода людей в наши пределы, независимо от вреда пропаганды, могло бы иметь свои неудобства». А потому М. С. Карсаков снова предписывал, «...не делая никакого насилия, объявлять по-прежнему о недозволении им жить (миссионерам) в России»⁴.

Тем временем религиозная литература на монгольском или маньчжурском языках, изданная в Пекине (где была католическая типография), попадала через торговцев к грамотным бурятам.

Реакция российских властей была резко отрицательной и силовой. Власти видели в этом двойную угрозу:

1. *Религиозную*. Покушение на монополию православия и устоявшийся конфессиональный баланс (буддизм/шаманизм у бурят и тунгусов).

2. *Политическую и шпионскую*. Любопытнее, тем более связанный с западной организацией, нелегально действующий в приграничной зоне, воспринимался как шпион. Россия с подозрением относилась к активности католиков в пограничных районах.

Поэтому начались аресты и высылки среди китайского, корейского и инородческого населения Забайкалья, Амура и Приморья, принявшего католицизм. Обнаруженных католиков немедленно арестовывали, допрашивали и выдворяли за границу под конвоем.

Началось усиление пограничного контроля. Власти предписывали казакам (охранявшим границу) и местной администрации следить за появлением подозрительных лиц, ведущих религиозную пропаганду.

Православные миссионеры Забайкальской духовной миссии использовали факт «происков латинства» для укрепления своей деятельности и получения большей поддержки от государ-

⁴ ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/2. Д. 148. Л. 254–255.

ства. Они получили материальную поддержку после того, как в Забайкалье были задержаны в 1901 г. бельгийские священники римско-католического вероисповедания¹.

Обсуждение и заключение

Таким образом, проникновение католических миссий из Китая в Сибирь до начала XX в. в отличие от проникновения ламаистов из Тибета и Монголии было эпизодическим явлением, представлявшим собой редкие, почти авантюрные попытки отдельных миссионеров. Эти попытки жестко и эффективно пресекались российскими властями, видевшими в них религиозную и политическую диверсию.

Результаты исследования рисуют картину целенаправленной и многоуровневой системы государственного контроля, в которой правовые нормы, административные практики и политическая подозрительность сочетались для эффективного сдерживания любого внешнего религиозного влияния на восточных окраинах империи.

Таким образом, правовые условия деятельности буддистов и католиков на восточных окраинах Российской империи до 1905 г. характеризовались жесткой системой государственного контроля, ограничений и изоляции, направленной на предотвращение распространения буддизма и католицизма за пределы исторических этнических ареалов (бурят и поляков) и на нейтрализацию потенциального влияния на православное население.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вашкевич В. В. Ламаиты в Восточной Сибири / сост. чиновником особых поручений при министре вн. дел В. Вашкевичем; М.В.Д. Деп. духов. дел иностр. исповеданий. СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1885. 144 с.
2. Горохов С. А., Дмитриев Р. В. Историческая география католицизма в Китае в XIV – первой половине XX вв. // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 2. С. 143–153.
3. Цыремпилов Н. В. Государство и бурятская буддийская община в Российской империи XVIII – начала XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Улан-Удэ, 2015. 50 с.
4. Цыремпилов Н. В. Буддизм и империя: бурятская буддийская община в России (XVIII – нач. XX в.). Улан-Удэ: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2013. 335 с.
5. Чирков Н. В. Ранняя история возникновения и развития римско-католической церкви в Северо-Восточном Китае // Религиоведение. 2024. № 4. С. 5–24.
6. Синиченко В. В. Влияние иммиграционной политики правительства России на социально-экономическое развитие Дальнего Востока страны: 1856–1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Иркутск, 2005. 518 с.

REFERENCES

1. Vashkevich V.V. *Lamayty v Vostochnoy Sibiri* [Lamaists in Eastern Siberia]. St. Petersburg, Ministry of Foreign Affairs Publ., 1885, 148 p. (in Russian)
2. Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. *Istoricheskaya geografiya katolitsizma v Kitaye v XIV – pervoy polovine XX vv.* [Historical geography of Catholicism in China from the 14th to the first half of the 20th centuries]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Perm University Herald. History], 2022, no. 2, pp. 143–153. (in Russian)
3. Tsyrempilov N.V. *Gosudarstvo i buryatskaya buddiyskaya obshchina v Rossiyskoy imperii XVIII – nachala XX v.* [The state and the Buryat Buddhist community in the Russian Empire from the 18th to the early 20th century]. Dr. dis. sci. abstr. Ulan-Ude, 2015, 50 p. (in Russian)
4. Tsyrempilov N.V. *Buddizm i imperiya: buryatskaya buddiyskaya obshchina v Rossii (XVIII – nach. XX v.)* [Buddhism and empire: the Buryat Buddhist community in Russia (18th – early 20th centuries)]. Ulan-Ude, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, 2013, 335 p. (in Russian)
5. Chirkov N.V. *Rannaya istoriya vozniknoveniya i razvitiya rimsko-katolicheskoy tserkvi v Severo-Vostochnom Kitaye* [Early history of the origin and development of the Roman Catholic Church in Northeast China]. *Religiovedenie* [Religious Studies], 2024, no. 4, pp. 5–24. (in Russian)
6. Sinichenko V.V. *Vliyanie immigratsionnoy politiki pravitelstva Rossii na sotsialno-ekonomicheskoe razvitiye Dalnego Vostoka strany: 1856-1917 gg.* [The influence of the immigration policy of the Russian government on the socio-economic development of the Russian Far East: 1856-1917]. Dr. dis. sci. Irkutsk, 2005, 518 p. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 18.01.2026; одобрена после рецензирования 04.02.2026; принята к публикации 08.05.2026

Received on 18.01.2026; approved on 04.02.2026; accepted for publication on 08.05.2026

Синиченко Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, советник при ректорате, Байкальский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11), ORCID: 0000-0001-9384-2175, Researcher ID: AAZ-1100-2020, ПИНЦ Author ID: 436021, e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru

Sinichenko Vladimir Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Advisor to the Rector of Baikal State University (11, Lenin st., Irkutsk, 664003, Russian Federation), ORCID: 0000-0001-9384-2175, Researcher ID: AAZ-1100-2020, RSCI Author ID: 436021, e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru

Зудаева Вероника Вячеславовна – старший преподаватель, Восточно-Сибирский институт МВД России (Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110), ORCID: 0000-0002-3505-1778, Researcher ID: PEX-2964-2025, ПИНЦ Author ID: 836627, e-mail: veronikaz2007@mail.ru

Zudaeva Veronika Vyacheslavovna – Senior Lecturer, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (110, Lermontov st., Irkutsk, 664074, Russian Federation), ORCID: 0000-0002-3505-1778, Researcher ID: PEX-2964-2025, RSCI Author ID: 836627, e-mail: veronikaz2007@mail.ru

¹ Письмо от 21 марта 1901 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 615. Л. 1, 2.